

Валерий Могильницкий

ПОД ЗЭКОВСКИМ НОМЕРОМ

179888

В прошлом году исполнилось 100 лет со дня рождения писателя Михаила Зуева-Ордынца, невинно пострадавшего в годы сталинизма.

Это событие прошло незамеченным для нашей общественности. Между тем творческое наследие писателя велико, хотя до сих пор слабо изучено.

Впервые о Михаиле Зуеве-Ордынце я услышал, как ни странно, в Ростове-на-Дону в 1979 году. Помню, пришел в гости к донскому писателю Петронию Гаю Аматыни, чтобы поздравить его с выходом книги "Путешествие в Аэроград". Он жил тогда в переулке Журавлева в многоэтажном доме в довольно большой квартире. После традиционного бокала шампанского вышли на балкон покурить. Завели речь о писательской работе, о том, как нелегко дается каждая строчка. Аматыни был по профессии летчиком, но подвело здоровье. И тогда он взялся за перо. С кого из писателей взять пример?

— Я читал много книг приключенческого жанра, — говорил мне Петроний Гай. — Но самое большое впечатление на меня произвел роман писателя Зуева-Ордынца "Злая земля" — о русских первопроходцах Аляски, их дружбе с индейцами. Прочитал его, как говорится, на одном дыхании. Вот так надо писать для молодых — прямо-таки захватывает! Жаль, что Михаилу Ефимовичу на долгие годы запретили писать, в 1937 году он был несправедливо осужден на целых 15 лет без права сочинять книги. Но он выжил, после лагерей Сталина в Сибири и Казахстане, тяжело больной, снова взялся за перо. Я разыскал его адрес в Караганде, и написал ему несколько сочувственных писем в таком духе: если бы не ваши книги, я бы не стал писателем... Он, конечно, был рад моим словам признания его таланта.

Я заинтересовался жизнью и литературным наследием М.Е. Зуева-Ордынца. Он родился в 1900 году в Москве. В возрасте 18 лет вступил добровольцем в Красную армию, затем был направлен на учебу в Московскую артиллерийскую школу красных командиров, воевал против белогвардейцев до конца гражданской войны. Демобилизовавшись, работал в Ленинграде в различных газетах, одновременно пробовав свои силы в литературе. В 1925 году в журналах "Всемирный следопыт", "Вокруг света" и других появляются первые приключенческие рассказы Зуева-Ордынца. А в 1929 году был опубликован его роман "Злая земля", о котором мне так восхищенно говорил Аматыни.

Я прочитал эту книгу. Действительно, она написа-

на увлекательно, хорошим сочным языком. Опираясь на большой документальный материал, Зуев-Ордынец изображает борьбу индейцев за свободу и независимость Аляски от гнета Америки.

В Караганде Зуев-Ордынец в 1959 году, то есть спустя тридцать лет, возвращается к этому роману, написанному в молодости, дорабатывает его, затем издает в Калининградском книжном издательстве под названием "Последний год" довольно приличным тиражом — 50 тысяч экземпляров. Один экземпляр этой интересной книги Михаил Ефимович подарил Карагандинской областной библиотеке имени Гоголя, ее читателям, 19 мая 1962 года, не забыв поставить на ней свой автограф.

Словом, в двадцатых-тридцатых годах имя писателя Зуева-Ордынца было хорошо известно массовому читателю. Кроме романа "Злая земля", он увлекательно и интересно написал повести и рассказы "Сказание о граде Новом Китеже", "Гул пустыни", "Волчья падь". Все они были доброжелательно встречены литературными критиками, слава писателя росла, как говорится, не по дням, а по часам.

Удивительно, что такой благополучный во всеобщих отношениях писатель был в 1937 году репрессирован. За что? В своей повести "Дело № 179888", кстати, написанной в Караганде в 1963 — 1964 годах Зуев-Ордынец пояснил, что был арестован "по обвинению в контрреволюционной деятельности". В чем же она заключалась? Всего-навсего в том, что в своем дневнике в 1932 году он записал такую эпиграмму) по поводу закрытия Российской ассоциации пролетарских писателей:

По мановению восточного сатрапа —
Не стало ГАППа.
Но не ликуй, презренный раб,
Ведь жив сатрап!!!

Следовательно, прочитав это четверостишие, сказав со вздохом сожаления Зуеву-Ордынце: "Душок, душок то какой! Вы, безусловно, понимаете, кто назван в эти строчках восточным сатрапом?" И цинично добавил "Пи-са-те-ли! Советские люди молятся на него (Сталина), а тут, видите ли, находят... Я тебя в порошок сотру! Сам расстреляю!"

Сколько ни силился Зуев-Ордынец доказать, что это не он сочинил стихи "О ГАППе и сатрапе", его вс-

равно обвинили в антисталинизме, сделали "врагом народа".

Почти двадцать лет молодой жизни забрал у писателя сталинский режим. Он отбывал свой срок за контрреволюционную агитацию в различных лагерях Гулага, как я уже писал, без права сочинять книги. Особо твердую, жестокую зарубку получил он на сердце в Сибири, в тайшетском лагере, где с эсками обращались хуже, чем со скотом, где они по ночам во сне громко и четко выкрикивали свой номер и просыпались с каменной тоской на душе...

Тут ни убавить,
Ни прибавить –
Так это было на земле, –

писал поэт Александр Твардовский. Действительно, в Тайшете Михаил Ефимович хлебнул немало горя народного, здесь от недодеяния и холода он заболел туберкулезом, работая на лесозаготовках.

Недавно в архиве Информационного центра при прокуратуре Карагандинской области по моей просьбе нашли карточку политзаключенного Карагандинского исправительно-трудового лагеря НКВД Зуева-Ордынца Михаила Ефимовича. Из нее явствует, что после Тайшетлага писатель 2 марта 1940 года был переведен в Карлаг. Отбывал он свой срок на отделении Карабас, Чурубай-Нура, Батык, Долинка. Освобожден Михаил Ефимович был 21 июня 1950 года, ему – на основании Указа от 14 июня 1944 года – срок был милостиво сокращен. Но путь в Москву писателю не открыли, он жил в скверных условиях в поселке Актас под гласным надзором.

Тогда в Актасе держали многих бывших узников Гулага, их не прописывали даже в Караганде. Соседкой Зуева-Ордынца одно время была жена известного поэта, растерянного НКВД, Павла Николаевича Васильева – Елена Александровна. Она в Карлаге работала на отделении Жаманжол, Ялта, Карабулак, Карашоки чабаном, строителем, учетчиком на овцеводческой ферме. В 1948 году ее объявили вольнонаемной и она поселилась в Актасе, работала на шахте № 105 нормировщицей, а затем оператором в гараже. В 1950 году к ней в Актас приехала родная сестра Лидия Гронская с двумя девочками. Приближался срок окончания заключения ее мужа Ивана Михайловича Гронского, бывшего редактора журнала "Новый мир" и газеты "Известия". И правда – вскоре Гронского выпустили, реабилитировали и разрешили выехать с семьей в Москву. Помогло, как ни странно, обширное письмо Ивана Михайловича Гронского Вячеславу Молотову.

Зуев-Ордынец тоже обращался в высокие инстанции с просьбой о реабилитации, но на его письма никак не реагировали.

В отделе краеведения областной библиотеки имени Гоголя сохранилась копия справки, выданной военным трибуналом Ленинградского военного округа только в июле 1956 года. Полковник юстиции Ананьев сообщает, что дело по обвинению Зуева-Ордынца пересмотрено, постановление особой тройки УНКВД по Ленинградской области от 25 октября 1937 года

отменено, дело производством прекращено. 31 октября 1956 года постановлением секретариата Союза писателей СССР реабилитированному писателю М.Е.Зуеву-Ордынцу выдано пособие в размере трех тысяч рублей...

По поводу реабилитации он горько написал в своем дневнике: "Не дорого ценит наша власть наши страдания. Как говорится – дешево отделяется" (запись 1956 года).

После освобождения из Карлага Зуев-Ордынец одиннадцать лет прожил в Актасе. Там он написал новую повесть "Вторая весна", за которую был удостоен медали "За освоение целинных и залежных земель".

Родилась эта книга после поездки писателя в Егындыбулакский район, в урочище Аркалык. Ездил на машине начальника строительного управления № 3 г. Актаса, известного строителя шахт Георгия Павловича Кирчакова. Михаила Ефимовича отговаривали от этой поездки, в том числе и Регина, жена, верная его подруга, работавшая бухгалтером в СУ-3. Но Зуев-Ордынец остро чувствовал, что рождается новое время, люди раскрепощаются от сталинских догм и клеветы друг на друг. Дремавшая веками в горестном оцепенении казахская степь проснулась вместе с весенними трелями птиц и солнечными столбами яркого света. Началось невиданное доселе наступление на бесплодие просторов Сарыарки. И хотя писатель задыхался от приступов туберкулеза, хотя врачи не позволяли ему покидать домашний очаг, он не мог задушить нетерпение своего сердца: увидеть целину. И вот больной, в старом поношенном пальто и шапке зэкских времен, он бежит из своей квартиры в Актасе на вольный степной ветер в глухие места, где обосновались первоцелинники.

Это была его последняя писательская командировка, которую он сам устроил себе. И не зря! Повесть "Вторая весна" была издана в 1959 году в издательстве "Советский писатель", ее благожелательно встретили критики.

В 1969 году М.Зуев-Ордынец благодаря хлопотам своей жены Регины переехал в Караганду в дом № 31 по бульвару Мира. К сожалению, на этом доме до сих пор нет даже маленькой мемориальной доски, которая напоминала бы карагандинцам о талантливом писателе. Здесь он довершил работу над книгой "Остров потопленных кораблей" – это сборник рассказов о современниках: геологах-клардоискателях, пограничниках, рабочих.

Он был чрезмерно взыскательным, строгим к себе, к каждой своей строчке. В дневнике он рассказывает, например, как долго работал над рассказом "Туман". "Прочитал – не понравилось, – делится он своими мыслями. – Длинно, много лишнего. А это ослабляет эмоциональное воздействие на читателя. А что лишнее? Вот тут-то и загвоздка! Начну сокращать и буду помнить при этом слова Чехова, что в рассказе не должно быть ничего лишнего, как на корабле".

Эту запись он сделал 1 декабря. И только 17 декабря сообщил, что окончил второй вариант "Тумана". И тут же добавляет: "Все же, кажется, длинновато". 19 декабря писатель возвращается к

